

ИЗМЕНЕНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТОВ ГЕРМАНИИ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

М.Ю. Исаков

Начало Второй мировой войны характеризовалось разрушением версальской системы мироустройства. Гибель мирового порядка совпала с политической дискредитацией старых международных правовых форм. Этот процесс не был одномоментным и затрагивал экономическую и социальную сферы, что выразилось в необычайной гибкости внешнеполитической составляющей мировоззрения нацистского руководства.

Подписание в ночь с 29 на 30 сентября 1938 г. Мюнхенского договора между Германией, Францией, Англией и Италией при участии США определило ближайшее будущее Восточной и Юго-Восточной Европы. Договор мирным путем решал проблему немецкого меньшинства в Судетской области Чехословакии — Судеты отходили к Германии. Договор являлся юридическим прецедентом ненасильственного изменения статус-кво в Европе и базировался на статье 19 Статута Лиги Наций¹. Европейская общественность воспринимала этот договор как реальный правовой механизм урегулирования всех немецких претензий в Европе (подразумевалась проблема германских восточных границ). Таким образом, малые страны Европы оказались под угрозой подчинения «директории» четырех великих держав². По широко распространенному тогда убеждению, средств для воспрепятствования активной военно-политической экспансии Германии в этом регионе у западных держав не было³.

Ревизия германо-польской границы, установленной Версальским договором, с самого начала являлась кардинальным вопросом германской внешней политики еще со времен Веймарской республики. Германия вовсе не хотела иметь на востоке сильную и независимую Польшу⁴. Уже 24 октября 1938 г. имперский министр иностранных дел И. Риббентроп в беседе с польским послом Ю. Липским заявил о желательности урегулирования всех спорных вопросов между двумя странами⁵. Однако немецкие предложения натолкнулись на нежелание поляков идти на какие-либо территориальные уступки. Подобный диалог продолжался всю зиму и весну 1939 г. Эти контакты не имели никакого практического результата.

В момент организации «протектората Богемия и Моравия», как позже признался Гитлер, он не был полностью уверен, следовало ли сначала выступить против Польши, а потом против Запада или — наоборот⁶. Неясной оставалась и форма решения польского вопроса. В марте 1939 г. Гитлер в беседе с главнокомандующим сухопутными силами В. Браухичем поделился своими сомнениями относительно насильственного решения проблемы Данцига⁷. Достаточно проницательный статс-секретарь МИД Германии Э. Вайцеккер даже находил, что польский вопрос не будет решаться войной⁸. Он еще не был готов отказаться от переговоров с Варшавой и в целом от концепции, согласно которой Польша рассматривалась как второстепенный союзник и поставщик дополнительных соединений в войне с

Россией⁹. Тем не менее ситуация была осознана как конфликтная, что автоматически вело к рассмотрению ее в категориях военно-политического противостояния. Дальнейшие германо-польские отношения развивались, по словам Риббентропа, весьма катастрофически¹⁰.

Западные страны чрезвычайно болезненно восприняли пренебрежительное отношение Германии к гарантиям, предоставленным Англией и Францией Чехословакии после подписания Мюнхенского договора¹¹. Германская оккупация Праги 14–15 марта 1939 г. превратила взлеянный Н. Чемберленом и Э. Даладье прецедент правового разрешения конфликта в фикцию. «Миротворческие» заявления Гитлера, как оказалось, не имели никакой внутренней ценности. Сказалась разница в восприятии действительности между германским руководством и политиками европейских демократических стран. Как-то в октябре 1933 г. Гитлер сказал в частной беседе: «Я готов подписать все, что угодно. Я сделаю все, что может облегчить мне проведение моей политики. Я готов гарантировать любые границы, подписывать пакты о ненападении и договоры о дружбе с кем угодно... Почему бы мне сегодня не подписать договор, который я завтра хладнокровно нарушу, если того потребует будущее немецкого народа»¹². Нацистское руководство мыслило категориями факта, в то время как западные политики придерживались формальных принципов. Фактически Восточная и Юго-Восточная Европа уже была сферой влияния Германии. Поэтому односторонние гарантии Польше, предоставленные премьер-министром Великобритании Н. Чемберленом 31 марта 1939 г., были восприняты в Берлине как вызов. Английская инициатива разрешила сомнения Гитлера в пользу радикальных действий, и в связи с этим британские гарантии можно рассматривать как одну из непосредственных причин возникновения мировой войны¹³.

С апреля 1939 г., когда начались англо-франко-советские переговоры, на международной арене, по наблюдению статс-секретаря германского МИД Э. Вайцеккера, появились контуры воссозданной тройственной коалиции¹⁴. В Германии вновь воскрес бисмарковский «кошмар коалиций»¹⁵. После этого эффективная изоляция Польши приобрела, по признанию Гитлера, решающее значение и стала делом «ловкой политики»¹⁶.

Фактическая отмена мюнхенских договоренностей и предоставление гарантий неприкосновенности границ Польши и Румынии автоматически переводили ситуацию в Европе из категории правового, юридического спора о формах пересмотра мира в конфликт военно-стратегический, где более применимы критерии баланса сил. 11 апреля 1939 г. Гитлер подписал «Директиву о единой подготовке вермахта к войне в 1939–1940 гг.», специальный раздел которой предусматривал широкомасштабную подготовку войны против Польши, — операцию «Вайс». Захват Польши рассматривался как необходимая предпосылка для решающей схватки с Англией и Францией. В директиве, в частности, указывалось: «Главное направление дальнейшего строительства вооруженных сил по-прежнему будет определяться соперничеством западных демократий. Операция "Вайс" составляет лишь предварительную меру в системе подготовки к будущей войне, но отнюдь не должна рассматриваться как причина для вооруженного столкновения с западными противниками»¹⁷.

Последующие действия германского правительства были в известной мере продиктованы прежним опытом нежелания или неумения Лондона проводить жесткий курс в отношении нацистской Германии и тем фактом, что в Берлине не

уловили серьезности перемен, произошедших в европейской политике Англии. Временно возобладала линия министра иностранных дел Риббентропа, известного своей англофобией. Риббентроп, по характеристике А. Розенберга, не обладал никаким другим политическим мировоззрением, кроме ненависти к Англии¹⁸, и своим влиянием на Гитлера¹⁹. Неуступчивость англичан, готовых к переговорам, но на строгих условиях и непосредственное влияние министра окончательно убеждает Гитлера, что «Англия — это мотор, работающий против Германии», и на совещании с руководителями вермахта 23 мая 1939 г. он формулирует цель — «поставить Англию на колени»²⁰. К концу мая 1939 г. это убеждение было окончательно созревшим, так как германская пресса уже с апреля развернула антипольскую и антибританскую кампанию.

Анализ ситуации в категориях военного противостояния неизбежно должен был привести Гитлера и немецкое руководство к мысли о возможности договориться с СССР. Тем более что в Советском Союзе наметилась тенденция к отказу от концепции коллективной безопасности как не соответствующей современной ситуации. В марте 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б) Сталин провозгласил новую внешнеполитическую программу, которая являлась декларацией альтернативной политики. В зависимости от международных обстоятельств советская сторона могла реализовывать любой из объявленных Сталиным принципов, которые приобрели статус «сквозных» тезисов 1939 г. Именно на них советское руководство ссылалось на протяжении всего европейского кризиса: в тревожной передовице газеты «Известия» от 11 мая, написанной Молотовым; в докладе Молотова на III сессии Верховного Совета в конце мая; в статье Жданова «Английское и французское правительства не хотят равноправного договора с СССР» и финальном выступлении Молотова по поводу ратификации советско-германского договора о ненападении — каждый раз проговаривался призыв соблюдать осторожность по отношению к провокаторам войны и стремление укреплять деловые связи со всеми странами, поддержки народов, борющихся против агрессии и за независимость, обещания «ответить ударом на удар поджигателям войны».

По утверждению Риббентропа, он пытался обратить внимание рейхсканцлера на сталинскую речь с целью налаживания отношений с Россией²¹. Объективно у Берлина возросла потребность в советском нейтралитете в предстоящем германопольском конфликте, и достижение более корректных отношений с Москвой должно было приобрести центральное значение²².

Очевиден тот факт, что английский курс на поддержку Польши являлся постоянно действующим фактором, вынуждающим Гитлера искать нестандартное решение. Подобным неожиданным решением стало соглашение Германии с идеологически враждебным Советским Союзом. Произошла кардинальная смена приоритетов во внешней политике Германии. Идея добиться договоренностей с Западом для обеспечения тыла при развязывании новой мировой войны была отброшена как несостоятельная. Этот процесс совпал со сменой внешнеполитической концепции СССР, что и создало уникальную ситуацию взаимного притяжения двух потенциальных противников в будущей войне.

Примечания

1. История дипломатии. М., 1945. С. 469.
2. *Чельшиев М.А.* Год кризиса: сентябрь 1938 – сентябрь 1939 // Советская внешняя политика 1917–1945 гг. Поиски новых подходов. М., 1992. С. 157–158.
3. *Норден А.* Так делаются войны. М., 1960. С. 97.
4. *Соколов В., Фетисов И.* Рапалло и довоенная Польша // МЖ. 1993. № 3. С. 135.
5. Год кризиса 1938–1939: Документы и материалы. М., 1990. Т. I. С. 85.
6. Нюрнбергский процесс: сборник материалов. М., 1987. Т. I. С. 491.
7. *Below N. von.* Als Hitlers Adjutant 1937–1945. Mainz, 1980. S. 195.
8. *Die Weizsacker – Papiere, 1933–1950.* Frankfurt a. M., 1974. S. 153.
9. *Haffner S.* Anmerkungen zu Hitler. München, 1978. S. 200.
10. ГАРФ. Ф. 7445 (Нюрнбергский процесс). Оп. 1. Д. 2143. Л. 172–173.
11. *Gollanez V.* Is Mr. Chamberlain Saving Peace? L., 1939. P. 11.
12. *Раушинг Г.* Говорит Гитлер. М., 1993. С. 94–95.
13. *Тейлор А.* Вторая мировая война // Вторая мировая война: Два взгляда. М., 1995. С. 396.
14. *Риббентрон И. фон.* Между Лондоном и Москвой. Воспоминания и последние записи. М., 1996. С. 133.
15. *Weizsacker E.* Erinnerungen. München; Leipzig; Freiburg, 1950. S. 230.
16. *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. Т. I. М., 1973. С. 134.
17. Год кризиса... Т. I. С. 376.
18. Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР: секретные речи, дневники, воспоминания. М., 1996. С. 38.
19. *Michalka W.* Ribbentrop und die deutsche Weltpolitik, 1939–1940: Aussenpolitische Konzeptionen und Entscheidungsprozesse im Dritten Reich. München, 1980. S. 49, 53, 169.
20. *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма... Т. I... С. 135, 136.
21. *Риббентрон И. фон.* Между Лондоном и Москвой... С. 134.
22. *Haigh R., et. al.* The Years of Triumph? German Diplomatic and Military Policy 1933–1941. Gower, 1986. P. 107.